

*С.А.Магарил,
доцент факультета социологии РГГУ*

Очередная модернизация России: есть ли субъект политической воли?

Известно, что социальные практики не могут выйти за рамки сформировавшихся культурных форм. В данном контексте культура понимается в антропологическом смысле как совокупность способов и результатов деятельности народа, как синтез его интеллектуальных, материальных и духов-

© С.А.Магарил, 2003

ных достижений. Именно культура воспроизводит адекватные себе политический строй, социальные отношения, экономику, систему права... История наделила национальную культуру России глубокими специфическими особенностями.

1. Специфика социокультурного базиса общества

Сформированная на основе национальной культуры российская государственность в течение XX столетия рушилась дважды. Подобный ход событий свидетельствует об ограниченных возможностях культуры создавать согласительные политико-правовые механизмы, способные предотвратить обострение социально-экономических противоречий до степени ожесточенного гражданского конфликта и/или распада государственности.

Возник характерный "двухтактный" исторический цикл: "модернизационный рывок—застой". Следующий модернизационный импульс инициируется неизменно с опозданием на многие десятилетия, что порождает чрезмерные социальные издержки. Подобный "двухтактный" цикл не обеспечивает непрерывного поступательного восходящего развития социума. В XVIII, XIX вв. и первой половине XX в. подобный ритм позволял России входить в число ведущих мировых держав. Однако по мере ускорения научно-технического прогресса и превращения знаний в основной фактор развития производительных сил указанный "двухтактный" цикл уже не способен обеспечить ей необходимый темп развития, а потому и место равноправного участника международных экономических и политических отношений. Если в 70—80-х годах XX столетия считалось, что Россия располагает второй по объему после США экономикой, то уже в начале XXI в. (всего лишь два-три десятилетия спустя) национальным ориентиром для России стало достижение хотя бы показателей Португалии — наиболее отсталого члена Евросоюза.

В процессе исторического развития России не удалось вырастить необходимую критическую массу национальной элиты, интеллектуальные и нравственные качества которой позволили бы избежать национальной катастрофы начала XX в. и найти эффективный ответ на исторические вызовы конца того же столетия. Характеризуя причины крушения Российской империи, Иван Солоневич писал: "Основное социальное противоречие заключалось в том, что страна (проблемы страны. — *С.М.*) бесконечно переросла свой правящий слой... Этот слой социально выродился". И ту же крайнюю интеллектуальную ограниченность, бездарность, непонимание сложности исторических вызовов, с которыми столкнулся СССР, продемонстрировала номенклатура КПСС. При этом если правящие элиты Российской империи рекрутировались преимущественно из привилегированных слоев общества, то властные элиты СССР — из внеэлитных слоев. Однако исторически тождественный резуль-

тат — крах государственности — свидетельствует о фундаментальном единстве социально-этического и социально-психологического генотипа социума.

Глубину и сложность проблемы трансформации национального сознания выразительно иллюстрирует 1000-летняя история Русской православной церкви. Тридцать поколений россиян лучшие представители церкви стремились воспитывать на идеях добра и христианского гуманизма. Однако разве состояние современного российского общества свидетельствует об успехе их *миссии*?

Вместе с тем отечественная история XX столетия свидетельствует о мощном рывке в одном из важнейших сегментов общественного сознания — естественнонаучном и инженерно-техническом знании. Известна формула Черчилля: "Сталин принял Россию с сохой, а оставил с атомной бомбой". Прогресс в развитии производительных сил России был в решающей степени обусловлен реализацией масштабной государственной программы развития массового высшего инженерно-технического образования (чего нельзя сказать об обществоведческом и гуманитарном образовании). Эта программа, обеспечивая наращивание военно-промышленной мощи СССР, тем самым укрепляла социально-политические позиции правящей коммунистической элиты.

Современная правящая российская элита (не смешивать с верховной властью!), как и советская, объективно не заинтересована в наращивании массового социогуманитарного, обществоведческого знания и политической культуры демократии. Ведь эти знания "работают" на формирование структур правового гражданского общества, служащих наиболее эффективным инструментом контроля населения за властвующими группами, включая и противоправное обогащение элит. Отсюда — очевидные проблемы с повышением качества и расширением массового социогуманитарного и политико-правового образования.

Россия стоит перед необходимостью очередной модернизации. Однако в отечественной истории не было случая, когда бы реформы достигали провозглашаемых целей. Реформаторам ни разу не удалось запустить непрерывный, самоподдерживающийся процесс экономической и технико-технологической динамики, обладающий органичной, внутренне присущей мотивацией и необходимой исторической устойчивостью. Одна из наиболее значимых причин: достижения реформ присваивали преимущественно правящие элиты Российской империи/СССР, перекладывая тяготы и издержки на внеэлитные слои населения. К сожалению, в современной России воспроизводятся типологически те же процессы и социальные отношения, что вновь вызывает опасения за долговременные результаты реформ.

Необходимость смены типов развития — перехода от мобилизационных методов к инновационным — ключевая проблема совре-

менной российской истории. Успех или неудача в ее решении во многом определит будущее страны. Это требует максимального использования всех интеллектуальных сил нации и ответственной политики национальных элит. В действительности же постсоветский режим в течение считанных лет выродился в олигархический, корпоративный *неозастой*, который блокирует национальное развитие.

2. Есть ли социальный субъект инновационно-демократической модернизации?

Вышеизложенное с неизбежностью ставит вопрос о том, какие социальные силы современной России способны реализовать ответственную, долгосрочную политику с позиций национальных интересов независимо от личных качеств высшего должностного лица государства? Есть ли в России социальный субъект инновационно-демократической модернизации? Какие социальные слои и группы способны в ходе политической самоорганизации аккумулировать политическую волю социально-активных граждан и добиться реального перераспределения ресурсов в интересах национального развития?

В своем первом президентском послании В.Путин, говоря о "необходимости концентрации всех ресурсов общества на целях национального развития", декларировал именно эту стратегическую задачу. Ее реализация является одним из главных критериев, позволяющих судить как об эффективности работы правительства, так и о степени национальной ориентации элит, их патриотизме. Однако продолжающийся массированный вывоз капитала свидетельствует, что правящие элиты видят свое будущее без России и вне России.

Вопрос о социальном субъекте модернизации остается открытым по существу. Предельно коррумпированная бюрократия — крайне сомнительный инструмент проведения демократических реформ. Продажность государственного аппарата и национальные интересы России несовместны. Российские предприниматели, в массе своей номенклатурного происхождения, за немногим исключением, зарекомендовали себя люмпен-буржуазией — социально безответственными, не обладающими стратегическим мышлением, не способными осознать даже собственные долгосрочные интересы. Итоги десятилетия наглядно демонстрируют: они не в состоянии стать социальным субъектом серьезных преобразований.

Нет оснований надеяться и на внеэлитные слои. Большая часть населения, затронутая нищетой и деградацией, беспомощна в социальном отношении, не способна самостоятельно защищать свои интересы. Влияние населения на политические процессы ограничивается поддержкой "сильной" верховной власти, которая стояла

бы над обществом, держала в узде элиты и криминальные силы, играла роль попечителя внеэлитных слоев. Подобные соображения дают основание утверждать, что "в безгражданском обществе нет субъектов перехода к новому состоянию" (В.Дахин).

Необходимо ясно осознать: переход России на инновационный тип развития в принципе не осуществим без активного участия в общественно-политических преобразованиях интеллигенции (образованного слоя общества) в качестве носителя инноваций и национального интеллекта. Между тем характерной чертой российских интеллектуалов (интеллигенции) является нравственная неустойчивость, причем и прекрасную интеллигенцию, и коррумпированную бюрократию воспроизводит один и тот же социальный институт — *российская высшая школа*. Ее выпускники равно способны как к честному и достойному служению обществу, так и к корыстной деятельности в интересах личного и корпоративного обогащения. Окончательный выбор того или другого в тенденции обусловлен социально-профессиональной средой, в которую жизнь "погружает" молодого специалиста. Значительная часть образованного сословия предпочитает конструктивным солидарным действиям в защиту своих насущных интересов индивидуальную негативную адаптацию как более доступную.

3. Является ли российское государство "слабым"?

Особенно ярко провал в области массового социогуманитарного знания иллюстрирует часто повторяемый тезис о "слабости" российского государства. (Проблем российского государства касалась в своем выступлении М.Мендрас.) Поскольку определение государства при этом, как правило, не приводится, оно приобретает характер метафизической абстракции, не имеющей ни социальной природы, ни связи с конкретными социальными слоями и группами, становится как бы внесоциальной "нечистой силой", находящейся вне общества и над обществом. Одновременно, по умолчанию, предполагается, что оно обязано работать в интересах общества.

Одно из популярных определений современного государства в его западной версии — "машина для производства всеобщего, общественного блага". Однако для большинства населения российское государство в ходе "реформ" производило не благо, а лишения. И это вполне закономерно, поскольку в конкретно-исторических условиях современной России государство представляет собой совокупность органов государственного управления, наполненных коррумпированной бюрократией, распределяющей ресурсы общества и использующей их преимущественно в интересах личного и корпоративного обогащения. Я солидарен с позицией тех ученых, которые характеризуют правящую элиту как социально противо-

стоящую народу и действующую в своих интересах¹. Именно это является основой сформировавшегося у населения "устойчиво негативного образа власти".

Предложенное определение выразительно иллюстрируют данные Главного управления по борьбе с экономическими преступлениями МВД РФ: "Отмечается устойчивая тенденция к увеличению числа преступлений в финансово-кредитной сфере... В 2000 г. выявлено свыше 352 тыс. преступлений в сфере экономики, что на четверть превышает аналогичный показатель 1999 г. Из них 53 тыс. совершили должностные лица, используя свое служебное положение, в том числе 1210 преступлений — в составе организованных групп и преступных сообществ"². При этом основная масса экономических преступлений — "хищения бюджетных средств, в которых участвуют высокие региональные и столичные чиновники"³.

В докладе Генерального прокурора РФ В.Устинова Совету Федерации "О состоянии законности, правопорядка в Российской Федерации и работе органов Прокуратуры за 2001 г." отмечено, что более трети всех потерь государства обусловлены противоправными действиями чиновников в кредитно-финансовом блоке. Таким образом, в отсутствие развитых структур гражданского общества любые попытки усиления роли государства в долгосрочной перспективе неизбежно ведут лишь к дальнейшему усилению вседозволенности и бесконтрольности государственной бюрократии. Постсталинская эпоха убедительно это продемонстрировала: *Российское государство, несостоятельное и беспомощное, когда речь идет об интересах общества, одновременно эффективно и мощно реализует интересы правящих элит.*

Возникает естественный вопрос: действительно ли беспомощно государство, обеспечивающее возможность баснословного обогащения правящего класса? Следует ли вообще считать государство "слабым" на том основании, что оно *не* действует в интересах общества? Чудовищное советское государство эпохи Сталина не только не служило обществу, но уничтожало его, истребляя миллионы сограждан. Однако можно ли на этом основании считать слабой сталинскую государственную машину? Приведенный пример свидетельствует о том, что признак силы или слабости для характеристики государственных институтов России бессодержателен и лишь искажает существо проблемы. Суть в том, *чьи интересы реально обслуживают органы государственной власти:* общества или бюрократии? Двойственная природа российского государства отчетливо проявляется, если его расщепить на два компонента: государство, при-

¹ Заславская Т.И. Социоструктурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. 2001. № 8. С. 10.

² Баринов Л.А. Больше, чем криминал // Независимая газета. 2001. 7 сент.

³ Независимая газета. 1999. 26 сент.

ватизированное бюрократией (условно — российская модель), или государство гражданского общества, которое надежно контролирует бюрократию (условно — американская модель). В реальной жизни обе модели сосуществуют одновременно. Разница в пропорциях, так как функции распоряжения ресурсами и контроля за их использованием одновременно реализуют и бюрократия, и общество (в России *реально*, по важнейшим вопросам — федеральный и региональный бюджеты, а фиктивно, по малозначимым вопросам — местные органы самоуправления).

Здесь беспомощно не государство, а общество. И потому Россия имеет слабое "государство для общества" и одновременно "сильное государство для бюрократии", сверх меры удовлетворяющее ее алчные интересы. Из этого следует, что здесь необходимо усиливать не государство, а общество, всемерно иницируя процессы общественной и политической самоорганизации граждан.

Я убежден, что будущее России во многом будет определяться тем, какую общественно-политическую позицию осознанно займет образованная часть общества. И потому со всей определенностью поддерживаю тезис М.Шабановой о том, что система образования и занятая в ней социогуманитарная интеллигенция обязаны воспитывать *граждан*, а не *подданных*. Задача тем ответственнее, что подобная цель никогда не ставилась за всю историю России.